

Михаил Серёгин

Пастырь из спецназа

Москва
T8 RUGRAM
2018

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Серёгин, М.

С32 Пастырь из спецназа / М. Серёгин. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. – 478 с. – (Увлекательное чтение).

ISBN 978-5-517-00407-9

Спор священника с сектантами не мог закончиться миром – ведь отец Василий когда-то служил в спецназе, а за сектантами стоят серьезные силы, которые намерены прибрать к рукам город. И это только начало противостояния...

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-00407-9

© Т8 RUGRAM, оформление, 2018
© Т8 Издательские технологии, 2018

Часть I

Отец Василий, старательно пряча лицо, пробрался вдоль стенки к ведущей на второй этаж деревянной лестнице и, до боли в ногтях вцепившись в шершавые перила, замер.

— Братья и сестры! — громко возопил со сцены сухой, с крупным костистым лицом проповедник и воздел свои длинные руки вверх. — Бог никогда не переставал любить вас! Верите ли вы мне, апостолу его?!

— Ве-ерим! — единой волной качнувшись вперед, как одна глотка выдохнула толпа.

— Бог никогда не отворачивал от вас своего лица! Верите ли вы мне, апостолу его?!

— Ве-ерим! — снова покачнулась толпа.

— И бог смеется от счастья, видя, как любят его в каждом божественном творении возлюбленные дети его! Верите ли вы мне, апостолу его?!

— Ве-ерим! — ухнула толпа, на глазах теряя остатки разума.

Отец Василий вжался в стену. Более гнусной подмены самых святых понятий он во всей своей жизни не видел!

— Так возлюбите господу своего всеми силами души своей! — звонко призвал проповедник. — Пусть брат возлюбит сестру свою и видит в ней господу! И пусть сестра возлюбит брата своего и видит в нем господу! И тогда господу спустится с небес и пребудет с вами!

Проповедник взмахнул руками, и толпа, гулко охнув, как зачарованная, снова подалась вперед.

— Будьте, как дети, призвал нас апостол Иисус! Отриньте стыд сатанинский и всякую ложь и нелюбовь! И любите брат сестру и сестра брата, как любит вас господу! Как сами вы любите господу своего! С нами бог!

— С нами бог! — как замороженная отозвалась толпа.

Страстно и тревожно застонали за кулисами скрипки, мерно и глухо застучали невидимые барабаны, разом погасли мощные прожекторы — так, чтобы осталась лишь небольшая, расчетливо устроенная подсветка сбоку, и толпа, впадая в транс, вздрогнула и закачалась в едином, заданном иноземной музыкой ритме. Вперед. Назад... Вперед. Назад...

— Сорвите с себя одежды! — под ускоряющийся бой барабанов, экстатически закинув голову назад, призвал проповедник. — Бросьте их на пол! И поprite их ногами! И пусть ничто не помешает вам узреть райское блаженство! И пусть ничто не посмеет встать между господом и вами! С нами бог!

— С нами бог! — выдохнула толпа.

— Будьте, как прародители наши Адам и Ева, — воззвал проповедник. — И знайте: ни в чем нет греха! — Ни в чем нет греха! — выдохнула толпа.

Отец Василий сглотнул и вытаращил глаза. Люди, шатаясь, будто киношные зомби, начали стаскивать с себя кофточки и пиджаки, юбки и брюки, поношенные бюстгальтеры и мятые трусы, и через пару минут весь немаленький зал Дома рыбака был заполнен обнаженными, совершенно потерявшими разум, буквально осатаневшими животными.

— Господи, помилуй! — истово закрестился священник.

Барабаны загудели еще быстрее, а скрипки застонали еще тревожнее...

— Вижу! — воскликнул костолоицый длиннорукий проповедник и пошатнулся. — Вижу господина моего! Он спустился! Он с нами!

— С нами! — ухнула толпа.

Скрипки взвизгнули и, вторя барабанам, ускорили сумасшедший ритм торжествующе-непристойной мелодии...

— Спаси и сохрани! — взмолился священник. — Помилуй, господи, раба твоего!

— Узревшие! Не таите господа в себе! — истерически вскрикнул костолоицый.

— Ви... Вижу!...жу! — вразной отозвались из толпы голоса. — Вижу господа моего! Вижу!!!

— Возлюбите господа в ближнем своем! — взревел костолоицый.

Обнаженные, истекающие слюной, с обезумевшими глазами люди кинулись друг на друга, аки дикие звери, и отец Василий осознал, что именно так и начинается Апокалипсис...

Нет, поначалу все шло как нельзя лучше. И ноябрь, и декабрь мысли устькудеярцев были надежно заняты. Они только и делали, что обсуждали самоубийство местного начальника милиции Павла Александровича Ковалева. История была темная, по крайней мере ни прокуратура, ни райадминистрация пролить на нее свет явно не собирались и ограничились лишь сухой констатацией факта.

Но совсем обвести народ вокруг пальца не удалось — не те нынче времена... Поползли слухи о найденных за островом Песчаным каких-то неопознанных трупах, о запоздалом вмешательстве ФСБ и какой-то подписке, спешно и жестко взятой чуть ли не у всех местных ментов... много чего говорили...

Отец Василий во все эти дела не вмешивался — не было ни сил, ни времени, а если честно, и желания. В его положении временно отстраненного от несения церковных служб это было бы и неумно, да и просто ни к чему — за свое бы ответить. Так уж получилось, что полтора месяца назад, в чужом городе отец Василий, спасаясь от купленных бандитами ментов, остриг для маскировки бороду. И это в патриархии восприняли как тягчайший проступок. Как будто у него был выбор...

Впрочем, если как на духу, жаловаться отец Василий не мог: присланный патриархией на временную подмену ему юный отец Николай дело знал прекрасно, да и человеком оказался неплохим — не подсиживал, не стучал вроде бы... и уж лишнего на отца Василия

точно не вешал. Срочно приехавшие из Первопрестольной ревизоры тоже свою работу знали: проверку провели быстро и профессионально и честно отметили, что отцу Василию удалось поднять посещаемость храма и сборы пожертвований на небывалую, почти невозможную в условиях заштатного райцентра высоту. Это в конце концов и привело к полному восстановлению священника в своих правах.

Вернувшись от родителей из Зеленограда на шестом месяце беременности, попадья была счастлива.

— Господь защитил вас, батюшка, — с каким-то особым уважением говорила она мужу, и отец Василий щурился от удовольствия и поглаживал непривычно колкую, только начавшую отрастать бороду.

Так же, как Ольга, или примерно так отнеслись к происшедшему все, кто хоть как-то был причастен к последним событиям вокруг отца Василия. И главный врач районной больницы Костя, и бывший участковый Сергей Иванович, и шашлычник Анзор, и оборотистая официантка шашлычной Вера, и водитель Толян — все понимали, что этого странного попа и впрямь защищает господь. То ли потому, что он выбрал эту богоугодную профессию, а скорее всего, просто потому, что человек он, как ни крути, стоящий, не пустой... Последние события показали это ярко и убедительно.

Конечно, когда отец Василий только принял приход, он и в мыслях не держал, что жизнь в маленьком заштатном Усть-Кудеяре будет такой насыщенной. Но с тех пор минуло больше года, и у него, слава господу, и друзья появились, и дела на лад пошли... может быть, именно благодаря напряженному и порой не-

предсказуемому течению жизни... Как-то так выходило, что каждое новое потрясение только увеличивало и авторитет церкви, и личный «вес» усть-кудьярского священника.

Оставив отцу Василию экземпляр акта проверки, уехали ревизоры; пришла наконец очередь прощаться и честно исполнившему свой долг отцу Николаю.

— Хочу, батюшка, — смущаясь, произнес юноша, — нормально, по-русски с вами проститься... — и поставил на стол две бутылки водки «Смирнофф».

Отец Василий хмыкнул: принести к нему водку на сорокадневный пост, пусть даже и в канун Нового года, было изрядным, если не сказать демонстративным, актом доверия, но возражать не стал.

Ольга накрыла на стол там же, где они с батюшкой и жили, — прямо в храмовой бухгалтерии. После пожара, лишившего их собственной крыши над головой, храм божий стал для них всем: и домом, и работой, и духовной поддержкой.

Отец Николай, а если проще, Коля, отвинтил головку «беленькой» и аккуратно разлил содержимое по рюмочкам.

— Не думал я, ваше благословение, что здесь так хорошо все окажется, — покачал он головой. — Честно, не думал.

— Да, Коля... хоть это и провинция, а народ здесь ничуть не хуже, а то и получше, чем в миллионных городах, — довольно отозвался отец Василий.

— Я не про то, — отмахнулся отец Николай. — Я про то, как лично вы дело поставили... И авторитет у церкви на высоте, и пожертвования, как в хорошем столичном приходе...

«Это он, конечно, лишку хватанул, — весело подумал отец Василий. — Такие пожертвования, как в Москве, вряд ли где еще по России можно собрать...»

— Спасибо на добром слове, Коленька, — улыбнулся он и принял из рук отца Николая наполненную рюмку. — Слава господу, люди здесь действительно жертвуют от души...

— Знаете, отец Василий, — задумчиво произнес отец Николай. — Я вот долго готовился пожелать вам на прощанье чего-нибудь хорошего, но знаете, что понял?

— Что?

— Мне нечего желать вам, — виновато пожал плечами отец Николай. — И не потому, что я не умею произносить тосты или недостаточно хорошо к вам отношусь... просто... на самом деле у вас ведь все давно есть... Уважение прихожан, прекрасный храм, совершенно замечательная жена... Что еще может попросить у господ человека? Разве что поменьше проверок... — неожиданно широко улыбнулся он.

— Хор-роший тост! — рассмеялся отец Василий. — А главное, актуальный... Не в бровь, а в глаз!

Они выпили, и отец Василий бережно положил в рот нежнейшую поджаристую морковную котлетку — бог весть, как это удавалось Ольге, но они и в пост ели по-настоящему вкусно — не в пример предпочитающим скоромное во все времена года атеистам...

Они «усугубили» первую бутылочку, за ней — вторую, и после второй раскрасневшегося отца Николая понесло. Он принялся рассказывать и о своей жизни, и о планах на будущее, и, само собой, о том, что его тяготило...

— Поймите, батюшка, — перевешивался через стол молодой священник, — ничего не кончилось! Церкви еще предстоит выдержать острейшую конкуренцию за прихожан...

Отец Василий недовольно покачал головой — лично он предпочитал называть это битвой за души, а не конкуренцией, но прерывать юношу не стал.

— Мало нам было баптистов да адвентистов! — возбужденно размахивал руками юноша. — Так теперь еще и вся эта бесовщина заморская повалила: шагнуть некуда, на кришнаита наступишь!

Отец Василий не возражал. Ольга заботливо подложила отцу Николаю котлеток, и тот, внезапно потеряв нить разговора, откинулся на стуле.

— Вы уже слышали об этих, как их, ДДС? — через долгие две или три минуты спросил он.

— О чем? — не понял отец Василий.

— Дети Духа Святого... — расшифровал аббревиатуру отец Николай. — Говорят, уже и здесь, в Усть-Кудеяре, их засланцы объявились...

Отец Василий ни о чем таком не слышал, им даже в семинарии об этой секте ничего не рассказывали.

— С размахом сукины дети работают! — возбужденно выпалил отец Николай. — Особенно с молодежью... Вы смотрите повнимательнее за ними: на самотек не отпускайте... У них подход американский, навроде